

АЛЕКСАНДР ЧУПРОВ

«Я» как Время

Философ Александр Чупров вслед за своим коллегой Сергеем Борисовым рассуждает о «времени» как фундаментальной философской категории...

Что же такое время?

Кто смог бы объяснить это просто и кратко?

Августин Блаженный.
Исповедь. Кн. XI, гл. XIV.

Объяснить — значит сделать ясным то, что человеку представляется смутным, темным, чудесным или чудовищным. Объяснить — это еще и указать на то, чем порождено какое-то загадочное явление и каковы его последствия. Самое простое и краткое объяснение того, что мы называем временем, содержат мифы, которые на заре своей истории создавали почти все народы мира. Например, греки.

В древнегреческой мифологии рассказывается о трех поколениях богов. Первое поколение — это даже не боги, а хтонические (буквально — земляные) чудовища, вышедшие из Хаоса. Правила ими Уран (небо) и его супруга Гея (земля). Уран был столь плодовит, что Гея страдала от переполнявших ее чрево зачатых детей и потому уговорила своего младшего сына, бога-титана Кроноса (Хроноса), оскотить серпом своего отца.

Гея страдала от переполнявших ее чрево зачатых детей и потому уговорила своего младшего сына, бога-титана Кроноса (Хроноса), оскотить серпом своего отца

Так власть чудовищно плодовитого Урана перешла к Кроносу (Времени), пожиравшему собственных детей. Но его Рее (жене Кроноса) удалось обмануть мужа, подложив ему вместо новорожденного камень, завернутый в пеленку, и таким способом сохранить жизнь одному из сыновей — Зевсу (светлому небу).

В войне с титанами победил Зевс, олицетворяющий Закон мироздания, которому подчинено всё. Даже всепоглощающее время. А сам Кронос превратился в пуп земли. Таким образом, время стало причиной самой духовности, ибо Закон мироздания — это не природная стихия (огонь, вода, земля, воздух), а идея, Логос, вселенский разум.

Миф — это не легенда, рассказывающая о полузабытых «делах давно минувших дней». Миф в аллегорической форме говорит о том, что было, есть и будет всегда. Говорит о самой вечности (символом которой является круг), в которой времени досталась хотя и важная, но не главная роль, ибо время всегда временно и является формой существования конечных вещей и простых смертных.

Со временем древние мифы как бы «расслоились», став основой развитых религий, а те, в свою очередь, породили своего «заключенного друга» — рационально-теоретическое миропонимание, то есть философию. Каждая религия обрела статус сакральной ценности. Философии досталось уважение людей образованных и не очень. А миф стал восприниматься как красивая сказка.

Конечно, античные философы не могли не размышлять о том, что такое время. Самое известное определение это-

время всегда временно и является формой существования конечных вещей и простых смертных

го понятия принадлежит Аристотелю: «Время — это мера движения». Но, как пишет А. Н. Чанышев, Аристотель не мог не заметить парадоксальности (правильнее было бы сказать «тавтологичности») этого определения, ибо движение, в свою очередь, — это мера времени.

Поэтому Аристотелю ничего не оставалось, как уточнить, что мерой времени является не всякое движение, но лишь движение небесной сферы, которое он назвал (кто бы сомневался!?) «кругом времени». И в его честь в древнем Египте и Месопотамии сооружались храмы.

Есть одна любопытная деталь в аристотелевском учении о времени, к которой мы еще вернемся: «Если время — мера движения, то это предполагает число (...) число же должно кем-то считаться, поэтому время без души существовать не может» (См.: Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. — М.: Высшая школа, 1981. — С. 319).

Первым, кому удалось «разорвать» представление о цикличности времени, которое господствовало в античности, стал Августин Блаженный. Тема времени в его знаме-

Суть концепции Аврелия Августина такова. Бог пребывает в вечности, а время — в душе человека. Прошлое — это память. Настоящее — созерцание. Будущее — надежда

нитой «Исповеди» (400 г.) — центральная. Отец христианской церкви посвятил ей в XI книге двадцать глав, считая вопрос о сущности времени едва ли не самой большой загадкой для человеческого разума. Особенно для разума верующего христианина, который не мог не задаваться вопросом, где пребывал Бог до сотворения мира, когда и времени еще не было?

Суть концепции Аврелия Августина такова. Бог пребывает в вечности, а время — в душе человека. Прошлое — это память. Настоящее — созерцание. Будущее — надежда. Историческое же время — это не бесконечный бег по кругу, а прямая от момента изгнания Адама и Евы из рая до Страшного суда (недаром Августина Блаженного называют первым философом истории, ибо любая история должна не только начинаться, но и чем-то заканчиваться).

Так не очень убедительное предположение Аристотеля о связи времени и человеческой души в учении Августина Блаженного получило почти непоколебимое обоснование. В сущности, время стало таким же важным атрибутом человека, как и его разум, а может быть, даже более важным, ибо сказано: «Блаженны нищие духом...», то есть безумцы.

В 1600 году в Риме на площади Цветов сожгли Джордано Бруно. Так в Европе закончились Средневековье и Возрождение. Началось Новое время. Время рождения капитализма и классической европейской науки. Знаковой фигурой стал французский философ Рене Декарт, чье утверждение «Cogito ergo sum» («Я мыслю, следовательно, существую») явилось началом построения новой модели мироздания.

По-новому стало пониматься и время. Декарт развел по разные стороны бытия две субстанции: материю, которой «досталось» пространство, — и мышление, которому философ «подарил» время.

Так время окончательно стало атрибутом мысли. И человеческой, разумеется, и, по-видимому, божественной. Сама способность мыслить «монополизировала» время, украв его у мира.

Следующим крупным шагом в этом направлении стало кантовское учение об априорных (доопытных) формах чувственного познания. Объективному времени (как и пространству) просто было отказано в самом существовании.

Для абсолютного большинства здравомыслящих людей это, конечно, был чистейший вздор, философический бред. Вот кого уж точно сожгли бы во времена инквизиции, если бы кантовский текст хоть чуть-чуть был бы понятен мало-мальски образованному человеку.

Но, как и сегодня, «Критику чистого разума» (1781) могли одолеть немногие, а понять — единицы. Да уже и не горели костры инквизиции. На дворе стоял XVIII век — век Просвещения.

Как же Кант умудрился отнять у мира пространство и время? Аргумент Канта обескураживающе прост: у человека просто нет органов чувств, способных ощущать пространство и время. А что же есть? Откуда у человека абсолютная уверенность в их объективном существовании?

«Время — это постоянство созерцающего Я по отношению к изменчивости внешнего мира»

На эти вопросы Кант отвечает весьма замысловато: «Время — это постоянство созерцающего Я по отношению к изменчивости внешнего мира». Или вот еще: «Время есть априорная форма организации внутренних ощущений». Да к тому же еще и форма самого существования человеческой мысли, которая позволяет «схватывать» и пространство.

Впрочем, последнее положение люди знали веками: «Сколько до деревни Удобное?» — «Да дня два-три будет». Не верст, не километров, а дней!

Чтобы понять логику Канта, надо вспомнить платоновское учение об идеях. Идея есть подлинное бытие. Идеи вечны, неизменны и совершенны. Правда, в материи они воплощаются всегда временно и как-то неуклюже (простого треугольника идеально правильно никому не начертить, что уж говорить о более сложных объектах материального мира).

А еще идеи самотождественны, то есть всегда равны самим себе. Идеей каждого конкретного человека является его душа. Как бы человек ни менялся на протяжении всей жизни, он всегда отдает себе отчет в том, что он — это он (если, конечно, не болен шизофренией с ее раздвоением личности).

Человеческую душу философы любят называть «самостью» или просто «Я». И вот это «Я», действительно, всегда неизменно. В отличие от вечно меняющегося мира, в котором человек живет.

Человеку, едущему в купе вагона, трудно сосчитать, сколько всего вагонов в составе. А вот если он стоит на перроне, подсчитать вагоны проезжающего мимо состава несложно. Так и человеческое «Я», благодаря своей неизменности, способно фиксировать изменчивость мира и даже измерять длительность каких-либо процессов, то есть формировать представление о времени.

Так догадка Аристотеля о том, что «время без души существовать не может», получила у Канта свое развернутое обоснование.

Кантовское понимание времени-пространства — это единственная часть его философии, с которой худо-бедно согласился Артур Шопенгауэр. И это вполне логично для автора учения о том, что мир — это воля и представление. Представление субъекта, который по своему произволу конструирует мир, в котором живет.

Но в отличие от Канта, который признавал мир вещей-в-себе принципиально непознаваемым, Шопенгауэр считал мир представлений бессмысленной иллюзией, оставляя право на бытие только за лишенной всякого разума и цели мировой волей. Поэтому ни о какой ценности ни самого мира, ни тем более человеческой индивидуальности не могло быть и речи.

Как же быть с миром, лишенным реального пространства и объективного времени? Решение этой проблемы может быть трояким: объективно-идеалистическим (в том числе религиозным), материалистическим, естественнонаучным (в том числе на принципах синергетики — учения о возникновении различных систем из хаоса).

Ни один из этих вариантов не полагает время как объективное основание человеческой личности, человеческого «Я». И только в экзистенциализме, появившемся в XX веке, время стало важнейшим условием бытия человека как человека, а не как вещи среди вещей.

Наиболее ярко это выражено в философии Мартина

Идеей каждого конкретного человека является его душа. Как бы человек ни менялся на протяжении всей жизни, он всегда отдает себе отчет в том, что он — это он (если, конечно, не болен шизофренией с ее раздвоением личности)

Хайдеггера, хотя и ему, на мой взгляд, не удалось решить проблему двойственности, или дуализма, объективно-субъективного характера времени.

Хайдеггер, очевидно, самая крупная фигура в истории философии XX столетия. Славу ему обеспечила книга «Бытие и время» (1927). За нее философу даже простили, мягко говоря, «несопротивление» нацизму. Самое удачное в ней — это ее название, которое, впрочем, мало соответствует содержанию. О стиле и вовсе нельзя говорить без слез: сплошное изнасилование живого языка (время временит, пространство пространствует, мирность мира, пространственность внутримирно подручного и т.п.) .

Зато в названии обозначены рамки, в которых только и возможно было рассмотреть так называемые «экзистенциалы», проще сказать, «переживания» человека. Речь идет о страхе, заботе, присутствии, понимании, любопытстве, двусмысленности, падении и брошенности, наконец, о бытии к смерти. О том, что отличает человека от Бога. О том, что обусловлено осознанием человека своего временного и временного существования, то есть смертности.

Что же касается бытия и времени как таковых, то ни первого, ни второго в книге Хайдеггера почти нет. Бытие сведено к существованию (чему посвящена большая часть текста) или экзистенции. Поэтому как бы на склоне лет Хайдеггер ни откровенничался от экзистенциализма, в историю мировой философии он вошел как представитель именно этого направления.

А рассмотрение времени и вовсе свелось к коротенькой характеристике гегелевских взглядов, которые, по мнению Хайдеггера, — всего лишь калька с аристотелевского учения о времени. Завершается работа целым рядом отнюдь не риторических вопросов, на которые философ ответа не дает.

Тем не менее именно Хайдеггеру надо поставить в заслугу то, что он наполнил кантовскую априорную форму организации внутренних ощущений (время) действительно человеческим содержанием, а не только способностью считать.